

Встреча с интересным
человеком

Народный артист РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР
Георгий Николаевич
ДАНЕЛИЯ

«Сережа», «Я шагаю по Москве», «Афоня», «Не горюй», «Мимино», «Осенний марафон»... Он снял десять фильмов. Десять неповторимых фильмов. Уже первый его фильм («Сережа» — совместная работа с Таланкиным) получил на XII Международном кинофестивале в Карлови-Вари главный приз — «Хрустальный глобус». Уже тогда, 20 лет назад, стало понятно, что в кино пришел не просто талантливый человек, но художник искренний, щедрый. Сегодня Г. Н. Данелия — признанный не только у нас в стране, но и за рубежом мастер, чьи фильмы с непреходящим успехом идут на экране. 25 августа Георгию Николаевичу Данелия исполняется 50 лет.

«...И КАЖДЫЙ ФИЛЬМ — КАК ЖИЗНЬ»

— Георгий Николаевич, как вы считаете, вам много лет или мало?

— Считаю, что много. Потому что снял много фильмов, и каждый фильм — как жизнь.

— Вас считают одним из ведущих наших комедиографов...

— (Перебивает). Давайте сразу договоримся: я не комедиограф. Из десяти снятых мной картин лишь одну считаю комедией — «Тридцать три», где я был и автором сценария. Разве «Афоня», например, комедия? Или «Осенний марафон»? Просто я рассказываю о жизни, какой ее вижу. А если смеются... Что ж, значит, смешно. Мне приятно, когда смеются. Хотите более убедительный пример? На «Калине красной» Шукшина три четверти времени показа в зале смеются. А разве «Калина красная» — комедия?

— Скажите, приобщение к кино — это у вас наследственное или вы, как говорится, «сам первый»?

— Очевидно, наследственное. Мама, Мери Ивлиановна Анджапаридзе, была кинорежиссером. Ребенком часто бывал на съемках, ездил с мамой в киноэкспедиции. Так что к моменту окончания школы кино достаточно мне надоело, и я поступил в архитектурный институт. После защиты диплома работал в ГИПРОГОРе (Государственный институт по проектированию городов). Но та работа, которую мне поручили, была скучной, неинтересной. И я решил сменить ее. В это время был набор на Высшие режиссерские курсы при «Мосфильме». Нет, у меня не было конкретного желания снимать кино, просто я стремился к работе более подвижной, связанной с поездками в различные места. В этом смысле меня вполне устраивала работа второго режиссера картины.

Сказал маме, что собираюсь поступить на курсы. Она не советовала, так как считала, что для будущей работы у меня нет никаких талантов. Тем не менее решил попробовать поступить.

Я немного рисую и для экзаменов сделал несколько расчисток (в рисунках) по рассказам Чехова и по своим личным жизненным наблюдениям. Из-за этих рисунков меня и приняли, так как отвечал я, по-моему, плохо. А в комиссии были «киты» от кинематографа — Пырьев, Ромм, Райзман, Калатозов, Юткевич, Трауберг, Дагган... Всего человек пятьдесят. Вошел я в комнату, где заседала комиссия, и в освещении ламп дневного света она показалась мне странно зеленоватой. Помню, на первый вопрос вообще не мог ответить, и, кажется, Довженко дал мне стакан воды...

— Вы минутой раньше сказали, что, уходя из ГИПРОГОРА, не хотели снимать кино. За 20 лет работы это ощущение, надеюсь, ушло?

— Не хочу снимать лишь бы снимать. Материал должен зацепить меня, зазвенеть во мне.

— Какой из своих фильмов вы считаете... самым неудачным?

— Конкретный фильм не могу назвать. Каждый раз снимаю и где-то в середине работы мне начинает казаться, что все отсытнее — неудача...

— Откуда такое ощущение?

— Иногда приходится идти на компромисс: то, что задумал и как задумал, снять практически невозможно. Заменяешь другим вариантом. Один раз так происходит, другой... И начинаешь мучиться мыслью, что снимаешь плохо, не то.

— А чем определяется для вас главная трудность работы над фильмом?

— Успехом предыдущей работы. Когда-то начинал с картины «Сережа» — совместная работа с Таланкиным. С тех пор удача мне не изменяла. И каждый раз она казалась мне случайной. И каждый раз хочется надолго замолкнуть. К следующему фильму подхожу мучительно.

— Какой же из своих фильмов вы считаете наиболее удавшимся?

— Два фильма: «Не горюй» и «Осенний марафон».

— Нян перабрал в памяти ваши картины, и у меня сложилось впечатление, что вы постоянно работаете с одним и тем же автором.

— Это не так. Авторами с совершенно разными работами. И в этом смысле мне повезло: Панова, Конечный, Шпаликов, Ежов, Гобриадзе, Токарева, Володин, Габриадский... Как видите, все это крупные, сильные драматурги.

— Четко обозначились ваши любимцы-актеры — Леонов, например, Кикабидзе... Позвольте сделать вам в этой связи упрек:

в ваших фильмах нет актерских дебютов, снимаются, в основном, известные актеры.

— Я с вами не согласен. В моей курсовой работе впервые снялись Евгений Евстигнеев и Галина Волчек. В дипломной — Лев Дуров. «Я шагаю по Москве» — дебюты Стеблова, Михалкова, Мирошниченко, Чуриковой. В этой же картине впервые появился на экране режиссер Владимир Басов. «Не горюй» — дебют Кикабидзе. Первую свою крупную роль в кино Евгения Симонова сыграла в «Афоне».

— И еще об актерах. Случалось ли вам снимать тех из них, кого вы и не подозревали, не видели в своих фильмах?

— Приведу два примера. Идеальным Афоней я считал молодого Алеинникова. О Куравлеве и не думал. Но идеал идеалом, а снимать-то кого-то надо было. Утвердили Куравлеву. И сейчас я просто не представляю себе какого-либо другого актера в этой роли. Мой постоянный ассистент Елена Судачкова предложила мне попробовать на роль Бузыкина в «Осеннем марафоне» ленинградца Олега Басилашвили. Я долго не соглашался: Бузыкина видел совершенно иным. Но Лена настояла на кинопробе, после которой убедился: прав мой ассистент, а не я. И так же, как и в случае с Куравлевым, не представляю себе сейчас другого актера в этой роли.

— Георгий Николаевич, ваши фильмы завоевали много призов на международных и всесоюзных кинофестивалях. Сколько же всего?

— Я недавно сам полюбостовствовал. Насчитал сорок два.

— Сорок два приза... за десять фильмов? Возможно ли это?

— Давайте возьмем для примера один из них, «Осенний марафон». В Венеции — два приза за прессы (официальных призов на фестивале не было); первый — за лучший фильм фестиваля, второй — за лучшее исполнение мужской роли. На фестивале в Сан-Себастьяне — Главный приз «Золотая раковина». На фестивале комедийных фильмов во французском городе Шамбурси — Главный приз. На фестивале трудящихся в Чехословакии — Главный приз. На Всесоюзном кинофестивале в Душанбе — Главный приз. Это лишь за один фильм.

— Рецензенты, критики часто пишут о присущей вам манере...

— (Перебивает). Теперь вам понятно, как трудно мне делать новый фильм? Каждый раз начинаю и думаю: а это — присущая мне манера? Сам же понятия не имею о том, что это такое — присущая мне манера. Главное — забыть о ней и работать...

— Всего-то? А тогда... где в фильме вы?

— Я — один из рассказчиков. А их много: сценарист, оператор, актеры, художник, композитор, ассистент, монтажер, установщик декораций, многие другие — до кинемеханика, который непосредственно показывает фильм.

— Скажите, Георгий Николаевич, снимая очередную ленту, вы знаете, какая будет следующей?

— Понятия об этом не имею. Каждый фильм снимаю, как последний. Даже не думаю о том, какой будет следующий.

— Но ведь есть, наверное, фильм, сюжет, который мечтаете снять?

— Мечтаю снять «Хаджи-Мурата», но не знаю, удастся ли...

— Теперь вот о чем. Вы являетесь художественным руководителем объединения комедийных фильмов киностудии «Мосфильм». А как же опять-таки с вашим же утверждением, что вы не комедиограф?

— Я не виноват, меня назначили.

— Почему не отказались?

— Потому что Рязанов и Гайдай отказались. Оставалось или отказаться, или... не организовывать это объединение. А то, что такое объединение необходимо, понятно всем. Но я не в единственном числе хуцрук. Нас двое: я и Воинов. Когда он снимает, я занимаюсь делами объединения, и наоборот.

— Скажите, пожалуйста, а в драме не собираетесь пробовать свои силы?

— После каждого снятого фильма задумываю, что следующую будет — трагедия. Начинаю работать над сценарием, где-то в середине эту работу бросаю и беру за то, что... вы видите на экране.

Мы с Александром Володиным писали сценарий с напряженным

драматическим сюжетом. Недели три назад отказались от этого дела, отказались единодушно. Видимо, устали оттого, что занимались не тем, что умеем.

— А теперь?

— У Володина был сценарий «Блондинка», который он считал неудачным. Но я предложил посмотреть на ситуацию в другом ракурсе, кое-что переписать. Может получиться добротная вещь. И название изменили — «Корабли за собою сожгла». (Улыбается). Для Леонова роль там есть.

— А почему сами не снимаетесь? Ведь многие ваши коллеги с успехом совмещают режиссуру и актерство.

— Никогда не хотелось играть. Мне было лет десять, когда снялся в крохотном эпизоде в фильме «Георгий Саакадзе». Изображал крестьянского мальчика. Помню, когда фильм вышел на экран, собрал я друзей, мы проникли через черный ход в кинотеатр. Посмотрел фильм и ахнул: меня в нем не было. Эпизод вырезали при монтаже. И теперь весь этот кусок пленки хранится у меня дома, сместю иногда. Но не поэтому, естественно, не снимаюсь. Просто не хочу.

— Чем занимаетесь на досуге?

— А где он, этот досуг? Если не снимаю, занимаюсь делами объединения. Приходится иногда читать по 5—6 сценариев в день. Вы даже не представляете себе, сколько людей считают, что они пишут потрясающие сюжеты для кинокомедий. И что эти сюжеты непременно надо снимать. Скажите такому автору, что написанное им не годится для постановки, это для него мало. Ему надо еще и доказать, что его «шедевр» нельзя снимать. И ведь не докажешь. Он идет дальше по инстанции, жалуются, требуют... 13 лет я преподаю. Учеников и тех из них, кто уже приступил к самостоятельной работе, тоже без внимания не оставишь. Вернее, они не оставят без внимания... Словом, какой там досуг! Когда якобы отдыхаю, работаю над сценарием. Совершенного отключения от работы нет, и остается только мечтать об этом. Мечтать о том, как хорошо было бы посидеть с удочкой. Смотреть на поплавок и ни о чем не думать. Нет, это, видимо, не про меня.

— И последний вопрос, Георгий Николаевич. О смешных ситуациях, которые, возможно, случались в вашей жизни.

— Учился у меня на Высших режиссерских курсах уже известный в ту пору драматург Максуд Ибрагимбеков. Стали мы с ним добрыми друзьями. И вот когда Максуд снимал свой первый фильм, он попросил меня приехать в Баку помочь ему. Мы узнали, что в один из дней должен прилететь в Баку на съемки Кикабидзе. Пошли в тот день в гостиницу, где должен был остановиться Вахтанг. Спрашиваем у дежурной, приехал ли такой-то и поселился ли в таком-то номере. Она не захотела нам отвечать. Мы уговариваем, возмущаемся — никаких результатов. Вдруг Максуд перешел на шепот и внушительно сказал: «Теперь — тихо. Вы берете ключ и ведете нас в номер. И чтоб никакой суеты, тихо». Дежурная беспрестанно подчинилась. Когда подошли к номеру, Максуд приказал свою правую руку к заднему карману брюк («кабу-ре»), моя рука оказалась у внутреннего кармана пиджака. Максуд сказал: «Теперь тихо откройте дверь». Звонкованная дежурная, окончательно поверившая, что перед ней сотрудники органов, которые хотят обезвредить бандита, открыла дверь. Мы ворвались в номер. Максуд резко раскрыв шкаф, я бросился в ванную. «Под кроватью, под кроватью проверьте!» — шептала дежурная. После «обыска» мы предупредили дежурную, что когда появится жилец и попросит ключ, она никак не должна выдавать раскраски зелья о происшедшем. Сами же ушли в холл, прикрывшись газетками. Вскоре появился Кикабидзе, взял ключ и прошел в свой номер. Дежурная сделала нам знак, и мы поднялись в номер. Дружески обнялись с Вахтангом и решили спуститься в ресторан пообедать. Причем «бандит» шел впереди, а мы с Максудом — чуть сзади. Пообедали и в том же «строке» вышли на улицу. Через какое-то время в гостицу приехал представитель съёмочной группы, и на его вопрос дежурная ответила: «А его забрали в милицию. С революверами стерегли». Стали искать, выяснять, что за сотрудники органов были в гостинице. И лишь по описанию дежурной поняли, кто «арестовал» актера. Долго и со смехом мы вспоминали потом эту «операцию».

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.